

ИЗВЕСТИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

1948, том VII, вып. 3

май — июнь

Акад. В. М. АЛЕКСЕЕВ

ПРЕДПОСЫЛКИ К РУССКОМУ ПЕРЕВОДУ КИТАЙСКОЙ ДРЕВНЕЙ КАНОНИЧЕСКОЙ КНИГИ ШИЦ-ЗИН („ПОЭЗИЯ“)

Автореферат доклада 1 апреля 1948 г. на открытом заседании Кафедры
китайской филологии, Востфак ЛГУ

Со времени первого перевода этого важнейшего классического текста акад. В. П. Васильевым, литографированного (без текстологии), вместе с переводом, с учебною выборкой слов и примечаниями в 1882 г., и то в размере четверти всего объема, причем все остальное осталось просто в рукописи, не подготовленной к печати, — с этого времени и до сего дня задача перевода на русский язык этого источника всей идеологии Конфуция и, далее, всей последующей китайской поэзии, оставалась все таки нерешенной, ибо переводы В. П. Васильева не имели цены даже как дословные переводы, если не считать за таковые переводные подстрочники, недостаточно литературные. Между тем, на Западе и в Китае делались самые серьезные попытки перевести знаменитые оды и песни (Легг, Штраусс, Дженнигз, Линь Юй-тан) и мы, конечно, так же включились в это предприятие, в лице тов. А. А. Штукина, дающего нам подлинно поэтический русский перевод серьезного китаиста, с ритмом и рифмой, без дословщины и экзотики.

Таким образом, и в особенности считая, что, поскольку задача строго филологического обследования текста и перевода (дословного) Ши-цзина, блистательно решена акад. Бернгардом Карлгреном (Bernhard Karlgren), создавшим, как бы, некий „нормативный“ перевод, — из которого могут в будущем исходить достаточно обоснованные всякие переводы на всех языках (включая китайский и японский) — можно ныне согласиться и на поэтический перевод, имеющий уже на данном этапе ряд отличительных достоинств, каковы, напр., следующие:

1) этот перевод сделан по оригиналу и не боится сравнений с ним, как боится всякий другой аналогичный ему перевод, сидящий на подстрочнике;

2) его рифмы тяготеют больше к русским старинным рифмам, так что диссонанс оригинала с современностью в этом смысле и направлении не замечается;

3) ставка на русского читателя доходит порой до прямой ему поблажки, чем значительно парализуются экзотические по существу и необходимости места Ши-цзина, и, таким образом, при условии дальнейшей работы переводчика над текстом и самим собой, можно предречь ему даже столь высокое достижение, как принятие его в русскую учебную хрестоматию, — прием, которого любой из нас домогался бы с большою настоятельностью;

4) переводчик не остался нейтральным исполнителем заказа и в трудном вопросе, фольклор ли это или записи какого то эрудита древности, он избег грубой фольклористики, характеризующей столь многих европейцев, желающих, подобно „Песне песней“, свести всю поэтическую интригу к элементарной любовной, часто сексуальной беседе, — что делает честь его вкусу и чувству меры;

5) не давая полносочного и полноправного синологического исследования, этот перевод, все же, снабжен примечаниями и статьями, достаточными для оправдания себя перед читателем-критиком; и т. д.

Будем надеяться, что переводчику удастся в будущем освободиться от многочисленных недостатков, заметных уже сейчас, как напр.:

1) дактиль для перевода китайского лаконического „народного“ стиха не всегда удачен, ибо создает впечатление длиннот: правда, этим же приемом создается и торжественность, особенно в отделах од и гимнов (я, сун);

2) и вообще, китайские размеры мало отражены: а это и можно бы и нужно бы сделать;

3) живописность природы и человеческих настроений при помощи фонетически использованных иероглифов точно так же редко передается, а это необходимо;